

УДК 93/94

ОТ КАЛИНИНА ДО ОДЕССЫ: ВОСПОМИНАНИЯ СЕСТРЫ МЕДСАНБАТА 243-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ А.М. ШИКИНОВОЙ

© 2016 г.

М.Н. Свинцова

Вятский государственный университет, Киров

MarinaMamzel@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.10.2015

Рассматривается тема человека на войне. Приведены воспоминания медсестры 243-й стрелковой дивизии, ветерана Великой Отечественной войны А.М. Шикиновой. Освещены организационная, бытовая и личностно-психологическая стороны деятельности медсанбата глазами участницы событий. Воспоминания составлены на основе дневниковых записей, хранящихся в семейном архиве Шикиновых. В них описано памятное знакомство с героем-летчиком А. Маресьевым, дана оценка снабжения медимуществом передовой линии.

Ключевые слова: медсанбат, А.М. Шикинова, Великая Отечественная война, военный госпиталь, 243-я стрелковая дивизия, 906-й полк, исторический источник.

Исследования по истории советской военной медицины Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., как правило, стремятся осуществить всесторонний анализ и оценку процесса медицинского обслуживания бойцов и командиров Красной армии. Однако для создания более объемной и целостной картины становления и эффективности новой системы медицинского обслуживания (схемы этапного лечения с эвакуацией по назначению) необходимо использовать в комплексе разные виды исторических источников. Важное место среди них занимают воспоминания очевидцев и участников событий, которые помогают увидеть исторические реалии через призму человеческого восприятия, а также произведения художественной литературы, которые также могут стать историческим источником, позволяя раскрыть нематериальные аспекты исторического процесса (дух эпохи, настроения народных масс и их частей или отдельных представителей). Однако претендующие на исторический источник художественные произведения не должны искажать факты реальности, здесь на помощь приходят свидетельства и воспоминания очевидцев событий, дающие при сопоставлении возможность оценить достоверность художественного произведения как источника информации о колорите той или иной эпохи.

Особый интерес к истории повседневности, ментальности, жизни и труду отдельных людей наблюдается в общественных науках в последние два-три десятилетия и связан с желанием открыть новые грани всем известной истории, в том числе военной. Большое внимание в связи с

этим отводится источникам личного происхождения, удельный вес которых во всей массе источниковедческого материала до сих пор достаточно низок. Многосторонний анализ военных дневников и воспоминаний участников Великой Отечественной войны дают исследователи И.Г. Тажидинова (классифицируя и отражая характерные особенности этих источников) [1], Е.Ф. Крицько (исследуя восприятие феноменов пространства и времени авторами фронтовых дневников и писем) [2], В.А. Сомов [3]. Военные письма также становятся объектом внимания В.П. Козлова, В.А. Сомова, Т.А. Булыгиной, Г.Н. Белоглазовой [4–7]. В последние годы историки активно ведут деятельность не только по исследованию и анализу, но и по сбору, обработке и публикации дневников, воспоминаний, писем участников исторических событий [8–10], что, безусловно, служит обогащению источниковой базы и придает колорит историческим эпизодам разных эпох.

Вводимый в оборот текст воспоминаний медсестры медсанбата 243-й стрелковой дивизии А.М. Шикиновой позволяет решить проблему оценки достоверности ряда художественных и публицистических источников, посвященных событиям Великой Отечественной войны, а также проследить отношение участников боевых действий к выполнению долга перед Родиной, врагу, предателю, друг к другу, раненым товарищам, к себе. Данный источник также помогает решить проблему изучения личностного аспекта службы военного медика, формирования историко-психологического портрета врача периода Великой Отечественной войны,

что немаловажно в исследовании причин высокой эффективности работы всей советской военной-медицинской службы, которая к исходу войны стала передовой в Европе и мире.

Участница военных событий Анна Михайловна Шикинова родилась 13 ноября 1923 г. в деревне Пошатово Селивановского района Ивановской промышленной области. После окончания в Муроме ускоренных курсов в школе медсестер и достижения 18 лет была призвана Селивановским военкоматом весной 1942 г. Во время войны служила в медсанбате 243-й стрелковой дивизии, с которой прошла боевой путь от Калинина до Одессы. 243-я Краснознаменная ордена Ленина стрелковая дивизия, о которой идет речь в тексте воспоминаний, была сформирована в начале войны в Ярославле и принимала участие в боях под Смоленском, в битве под Москвой, в Калининской наступательной операции, битве под Курском, Никопольско-Криворожской и Яско-Кишиневской операциях, а также в войне с Японией 1945 г. В мае 1944 г. Анна Михайловна демобилизована из Красной армии в связи с осложнением после ранения, а также по семейным обстоятельствам и вернулась на родину в Селивановский район, где работала медсестрой в Драчевской участковой больнице. После прохождения курсов усовершенствования квалификации в 1946–1947 гг. работала акушеркой в фельдшерско-акушерском пункте в селе Никулино Селивановского района. По семейным обстоятельствам в ноябре 1956 г. переехала в г. Киров Кировской области, где работала в медсанчасти Кировского шинного завода до 1978 г., откуда вышла на заслуженный отдых. В 2013 г. отметила 90-летний юбилей. В настоящее время проживает в г. Кирове с семьей.

Настоящая публикация содержит воспоминания медсестры 243-й стрелковой дивизии А.М. Шикиновой, ветерана Великой Отечественной войны, составленные по личной инициативе с целью фиксации событий жизни. В момент составления записей публикация их не планировалась. Приведенный ниже вариант текста представляет собой воспоминания, сформированные на основе дневниковых записей, сделанных их автором во время службы в медсанбате, которые до сих пор бережно хранятся в личном архиве семьи Шикиновых и являются семейной реликвией. Дневниковые записи велись медсестрой медсанбата 243-й стрелковой дивизии с весны 1942 г. (когда в составе дивизии последовала для участия в боевых действиях в г. Калинин) до весны 1944 г. (до момента демобилизации из армии, г. Одесса). Дневниковые записи не являются ежедневной фиксацией событий и представляют собой хронологически

расположенные свидетельства о наиболее ярких событиях военной жизни А.М. Шикиновой в период службы. В свидетельствах точно датированы крупные события, для прочих регулярно указывается месяц, год и территория, где они происходили. Записи сделаны на отдельных листах различного формата и качества разными чернилами, изначально около 30 листов (небольшая часть со временем была утрачена). После войны записи были собраны и переплетены в тетрадь, которая в настоящее время хранится в личном архиве Анны Михайловны. В начале 70-х годов (точные даты в документе не указаны) в г. Киров записи были оформлены автором в виде воспоминаний, напечатанных на стандартных листах формата А4 при помощи пишущей машинки. Данный документ существует в единственном экземпляре и также хранится в семейном архиве, в открытой печати никогда опубликован не был.

Представленный ниже текст сформирован автором публикации М.Н. Свинцовой на основе машинописного полного текста воспоминаний, изредка с вкраплением комментариев самой А.М. Шикиновой в феврале 2014 г., в настоящее время хранится в личном архиве исследователя и представляет особую ценность. Данный текст прочитан и согласован с А.М. Шикиновой, в открытой печати воспоминания представлены впервые с согласия самой А.М. Шикиновой и могут служить достойным вниманием историческим источником и яркой иллюстрацией страниц военной жизни. В публикации сохранен оригинальный стиль изложения рассказчика.

Воспоминания сестры медсанбата 243-й стрелковой дивизии А.М. Шикиновой

Я работала в медсанбате 243-й стрелковой дивизии, она была в боях, прошла путь от Москвы, – но я там не была, потому что мне 18 лет еще не исполнилось. Я закончила медучилище, и меня в апреле месяце 1942 г. взяли на фронт из Владимирской области. Работала в Горбатке, в районном центре. Мне исполнилось 18 лет 13 ноября 1941 г.

Наша дивизия от Москвы ушла на Калинин. Везли нас в апреле месяце на платформе, тут же пушки, пулеметы и нас всех девчонок со станции Муром, я там училась. В Москве сняли, сразу в баню, всех переодели. В то время были у многих девочек обмотки, такие двенадцатиметровые ленты, ботиночки и серые чулочки обыкновенные, и уже были юбочки. Нас одели в гимнастерку с юбочкой, уже совсем по-женски.

Оттуда нас направили в Кунцево, там Ворошиловский парк был, в деревянные казармы.

Обучали строевой, боевой, политической, в общем, всему-всему. Даже в тир водили, чтобы узнать, как мы владеем стрелковым оружием, но для кого и для чего, мы еще не знали. Потом нас, когда закончились эти учения, отправили по аэроостановочным точкам. Вот я была в Дзержинском районе, как раз напротив Новодевичьего кладбища. Там еще станция переливания крови. После нас девочек отправили еще в большое здание, откуда, видимо, кого будут распределять. Где-то 30-го июня нас повезли куда-то.

Из моей деревни я была одна. Кто-то из девочек сказал:

– Нас будут отправлять в тыл врага, чтобы там быть, в тылу врага вести работу, – и стало страшно.

Подошла машина грузовая, нас посадили. Там поперек положены как бы доски-сидения, открытая она. Еще первый раз пробомбили на шоссе Энтузиастов, налет был большой, как говорится, боевое крещение. Выехали за Москву, это ночью, около двенадцати, наверное, часов, не могла точно знать, у нас ведь часов не было. Ехали и впереди нас. Шла машина, и врач Надежда Георгиевна Кручинина сидела в кабине. Она сказала, что машина, которая шла навстречу, подорвалась на mine, а наша врезалась в нее. И меня бросило вперед, и бортом машины придавило мне ногу. Потеряла сознание, очнулась, какое-то было селение, какой-то сарай был, потом снова погрузили на машины и повезли. Нога у меня была незашинирована, думала, что это вывих или просто так. Когда машина быстро шла, немного тряхнет, у меня такие адские боли... Оказалось, перелом бедра и разрыв крестовидных связок правого коленного сустава. Сначала в один госпиталь нас привезли в Москве, потом в другой госпиталь направили № 4034 по адресу Бабушкин 4, ну или по Басманной 20. Это где-то у Красных ворот. Я тогда Москвы почти не знала совсем. Мне зашинировали ногу и все эти связки. Врач был опытный, профессор Николай Наумович Терebinский¹, председатель общества хирургов города Москвы. В этой палате лежали еще врач Кручинина и две женщины до нас. Знаю только, что одна Раиса Семеновна, а другая Анна Макарова. Я их хорошо запомнила.

Лешечка... К нам заехал парень без ног на коляске прямо в палату. Потом я тоже на коляске ездила. Мы лежали на четвертом этаже, а тут еще палата с нами первая. Вот там лежал, оказывается, Алексей Маресьев².

Он много очень разговаривал с Надеждой Георгиевной, потому что, наверное, он влюбился в нее. Я так думаю. Она была очень интересная, белокурая такая, красивая. К ней приходил

ее муж, фотокорреспондент. Он, Маресьев, видимо, увидел, что они сидят в коридоре, въехал к нам сердитый, злой такой, а я и говорю:

– Лешечка, это ее муж!

А он и говорит:

– Ты еще мала, ты ничего не знаешь.

Оказывается, к ним в палату приходили девочки, Рита. Он все время плакал, переживал, все время был замкнутый. А вместе с ним лежал Незнамов, полковник, летчик, у которого была перебита рука. Заводил самолет, ему пропеллер перебил руку. И он его все уговаривал и ругал, и снова уговаривал.

Этот же Незнамов куда-то позвонил, Маресьевым стали интересоваться, потом стали приезжать корреспонденты. Все к нему.

Мы стали как будто бы старые знакомые, часто с ним виделись. И в библиотеку ездили, ходили на костылях. Он загрустит, а я ему и скажу:

– Лешечка, не грусти, поправишься, будешь летать, женишься, все будет в порядке.

– А кто за меня пойдет? Я без ног, да еще и цыган...

Представьте, никогда, ни в одной книжке я не видела, чтобы он говорил, что цыган. Внешне только у него такое лицо смугловатое. А так у него еще (поперек на щеке под глазом на уровне середины уха) шрам был. Когда я читала Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке», тоже ничего не нашла.

В глазах, как сейчас, у меня идет Терebinский и в руках у него ботинки с протезами желтого морковного цвета³. В сентябре Маресьева отправили в Остряково в санаторий.

На счет того, что с медсестрой танцевал. Ничего он с медсестрой не танцевал, разве что потом в санатории, а вот с этой Раисой Семеновной, которая лежала у нас в палате. Видимо, пианистка была, она его и научила танцевать.

К нам в госпиталь очень много приезжало артистов: Лидия Русланова, с морского флота поэт Александр Жаров, Зоя Федорова.

Меня направили на улицу Кропоткина. Там была гарнизонная комиссия Москвы. Мне выдали справку «годна к нестроевой службе без длительной ходьбы». Там же была девушка Лиза Айгустова.

Мытищи. Оказывается, было пополнение нашей 243-й дивизии, которую должны отправлять в Калининскую область. Там я встретила девочку Аню Никитину. Выяснилось, она курсом старше на год закончила ту же школу, что и я, и призвана тем же военкоматом. Вот тут мы с ней и познакомились. Оказывается, она от моей деревни, где я жила, была всего километрах в 15-ти, Пестенькино.

Я хромала. В Мытищах никто никого не проверял, погрузили нас в закрытые вагоны, в которых раньше возили скот. Я, Лиза и Аня сразу познакомились и очень близко. Когда нас подвезли к Погорелому Городищу⁴, такая была бомбежка! Наш эшелон разбомбили. Оттуда мы пошли пешком. Двадцать пять, оказывается, километров. На привале вдоль какой-то лес был. Смотрю, ручеек бежит. Я в ручейке выстирала платочек носовой. Смотрю, лежит убитый солдат. Подошла. Любопытно. Он как живой лежит еще, видимо, только недавно убили. Растегнула гимнастерку и вытащила медальон смерти и, по-моему, рубль денег. Я вернулась и говорю:

– Ой, вы знаете что! Я что нашла! – и достаю медальончик.

Грошев, как раз был такой начальник колонны нашей, на меня:

– Да как ты могла! Да разве могла! Ты могла всех нас тут погубить!

– Как? Почему?

– Он мог быть заминирован. Они обычно трупы оставляют минированные! – откуда я знала!

Мы пришли в расположение медсанбата уже где-то в октябре месяце. Это была Осиновка. Нас 14 девчонок было, еще было много мужчин, вся колонна, пополнение дивизии. А наш медсанбат располагался в лесу. Делали шалаши, соломой закрывали. Нам приготовили шалаш. Стало замораживать.

Утром нас всех выстроили, командир дивизии приехал принимать. Когда в Мытищах мы были, к нам в поезд в вагон влезла женщина:

– Не выдавайте меня, у меня здесь муж, он меня домой отправит!

Это оказалась Рита, которая ходила в госпиталь навещать в палате Маресьева. У нее, когда была бомбежка, погибли мать и ребенок. Вася Мартынов, муж, лейтенантом был. Она с ним поехала в одну часть. И когда вот стали принимать всех, Риту Мартынову вызвали:

– Как вы попали в дивизию? Немедленно уезжайте! Дадим Вам человека и вот... Отправляйтесь!

А она вышла и сказала:

– Я хочу быть с мужем. Хоть убивайте меня, но я никуда отсюда не уеду! – и рассказала все.

Потом она служила в 906-м полку связисткой. А меня, Лизу и Аню оставили в медсанбате, заставили нас пройти комиссию. У нас Вирченко Мария Николаевна врач была, и Прохоров Виктор Михайлович – хирург. Остальные девчонки, они уже бывалые, видимо:

– Мы в полк...

Медсанбат располагался в лесу. Мы охраняли сами, с винтовками ходили, по наряду когда кому.

Когда мы приехали, нас распределили: меня и Лизу – в операционный взвод, Аню Никитину – в сортировочный. В сортировочный сразу попадают с поля боя: кто – в хирургию, а кто – куда. Вообще тяжелораненых только три дня разрешено было держать в медсанбате, потому что медсанбат был во втором эшелоне от боя, от фронта.

Первую ночь мы с Лизой спали в палатке. Медсанбат находился только в палатках в лесу: хирургия и госпитальный взвод, где лежали легкораненые. Транспортабельные – сразу в госпитали передового района. На второй день нас поселили в землянках.

Как тяжело было в операционном взводе. Во-первых, шины были не только крамеровские. Крамеровские шины – это такая как лещенка, – они легонькие были, Томаса – Виноградова, Дитрикса. Еще были очень большие шины, но не такие сложные как Томаса. Поступает раненый, сначала вводим противогангренозную сыворотку, которая состоит из 3 вариантов, ну там и противостолбнячные и все. Теперь обработку начинаем делать. Столы были, биксы немецкие такие, большие, как тазик. По-моему, медные они, потому что красноватой жести какой-то, и обязательно фартуки на халатах клеенчатые.

Вдруг забомбят, все раненые, которые еще, может быть, чувствовали себя более-менее, прыгивали с этих со столов. А ведь мы не имели права уйти.

Наркоз делали, маску эфирную или хлорэтил давали нюхать. Были раненые в голову очень тяжелые, полостники. Их отправляли в госпитальный взвод, тоже в медсанбате, только другая палатка была. Впоследствии я там тоже работала.

Вот ко мне подходит командир оперативно-хирургического взвода Шошло Филипп Федорович:

– Голубка, что с тобой, почему ты так таскаешь?

А я, знаете, хоть быстро, а задену за брезент ногой, потому что в палатках-то пол брезентовый был, и меня как все равно кто ударит чем, я даже иногда плакала. И я вот и рассказала, а он говорит:

– Ну, хорошо, мы что-нибудь придумаем.

Я говорю:

– Я больше никуда не пойду от вашего медсанбата! И домой не поеду.

Вот ведь все-таки какие мы все были, как рвались. И где-то дня через три или четыре он мне говорит:

– Идите в госпитальный взвод, там вас командир взвода Корчемный пристроит, а оттуда медсестру направит сюда.

Пришла, раненых много очень было: полостники, черепники, все почечники, с ампутациями ног. Если одну руку ампутировали, то сразу их отправляли, а если обе – только через три дня. Если нога, – ногу ампутируют, а если ничего гангрену не предвещает, тоже сразу отправляли в госпиталь передового района, это примерно километров за 10 от медсанбата. Зима была холодная. Очень много раненых поступало с обморожениями, потому что там же все в окопах. Очень тяжело. В это время как раз были бои под Осинкой. Некоторые очень здорово были обморожены, половые органы особенно.

Один врач у нас был Мадянов Михаил Иванович, очень несдержанный, матерился даже. А так ни от одного врача никогда я не слышала мата. Ни один раненый не матерился, как бы тяжело ни было. Вот какие же все-таки были люди воспитанные.

Передислокация была. Немецкие самолеты выискивали и видели, что у нас были машины, две санитарные специальные. Когда передислокацию делали, то наше имущество медсанбата увозили тоже на машинах, а на остальных мы ездили. Бывало, как летит самолет, прожужжал, тут же машина останавливается, и нас всех:

– Давайте, ложитесь на землю!

Самолет чуть машину не трогал, выискивал личный состав. Мужчины-врачи, санитары нас жалели, даже закрывали нас своими телами.

Надо отметить, что было очень хорошее снабжение медикаментами медсанбата. Во-первых, бинты мы не стирали. Бинты были всякой сложности, большие и малые, большие септические повязки, шприцы. У нас был аптечный взвод, там два человека и санитары. Глюкоза не в ампулах, а просто в больших бутылках. Их готовили, стерилизовали в аптечном взводе. Кровь была всех групп из Москвы, наверное. Если же какая-то группа крови кончалась, то врач говорит:

– Вот, человек гибнет, у него большая потеря крови, нужна кровь! У кого?

Обычно знали уже у кого из медсанбата какая группа крови или сразу же вызывали из другого взвода. Прямым переливанием крови делали. И очень хорошо снабжали, вот я все удивляюсь. Сейчас⁵ возьмешь, купишь бинт, смотришь, а он весь разрывается. А в то время очень качественное все было.

Больше всего готовились стрептоцидовые: раствор красного стрептоцида, стрептоцидовые эмульсии, просто стрептоцид, все. А что на первую помощь, так асептическая повязка и сухая. Швы накладывали.

Накануне Нового года вдруг получили приказ на передислокацию. Нас ночью повезли на

станцию. Привезли в Медынь⁶. Там немного были времени. Медсанбат: перевязочная, хирургический взвод, госпитальный взвод, сортировочный, эвакуовзвод, санитарный, аптечный.

Я сначала в операционном, а потом в госпитальном взводе была. Очень много было раненых, очень ответственно, конечно. Сопровождать раненых приходилось на подножке машины. Ночью по трое суток не спали. Бывало, сделаешь себе укол кофеина, и голова пустая, а глаза вроде как спать не хотят. После этого мы через Москву снова попали, там нас в баню сводили. Между прочим, в баню-то еще до этого в палатке ходили: половина мужская, половина женская. Там ставили бочки, в бочках кипятили воду, под ними дрова горели, и мы мылись там. Половину вымоешь, оденешь – другую половину. Холодно.

Поехали из Москвы, был приказ на Сталинград. Но мы никто не знали об этом. Только в хуторе Евстратовском нам сообщили, что приказ отменили, а сейчас – на Ворошиловград.

Мы от Клетской до хутора Евстратовского⁷ шли пешком. Когда пришли, почему-то было очень много целых домов. Я должна была проверить, где больные лежат, потому что нас только двое было. Андрей Ильич и я.

Станица Новосветловка⁸. Мне надо было отправлять имущество, сопровождать раненых. И у меня так разболелась голова, и я врачу сказала:

– Я не могу, со мной так плохо...

Меня отправили в Ворошиловград. Хотя я и выполняла все свои обязанности, но чувствовала, что вот-вот упаду. Оказывается, подхватила, когда возила раненых в Юдино, там был эвакуогоспиталь, где лежали больные. Сколько они там, бедненькие, лежали, не знаю, но вши ползали по всем. И, видимо, я заразилась сыпным тифом. Когда болела, меня положили в больницу на Каменном Броду⁹. Там, мне кажется, даже и гражданские лежали. Не в больницу, а вроде как в госпиталь. До этого еще несколько дней в частном доме лежала. После меня еще Иван Конович Корчемный заболел, сестра заболела, начальник клуба дивизии, очень многие из-за этого госпиталя, потому что много туда ездили. И я уже начала ходить потихонечку, и к нам заходит начальник госпиталя.

– Товарищи военные, под Лисичанском пещеры... Немцы. Кто может, потихонечку уходите.

Я вот помню, пошла. Сначала зашла, навестила командира взвода, Аню навестила, еще там был командир 906-го полка начальник связи Халиманчук. Помню, вышла на какой-то мост. Начали бомбить.

На подступах Ворошиловграда стояли наши, из 906-го полка рота мальчиков. И кто-то, ви-

димо, выболтал. Все говорят, какой-то офицер бабе сказал, а она – немцам сказала. Сразу всю их роту фашисты отрезали, всех их собрали, раненых, здоровых, больных... Всех побросали в воронки из-под снарядов, облили горючей смесью и сожгли. Есть акт, там священник был. Анна Никитина как раз видела, в сортировочном взводе была. Одного знаю, капитан Шестаков, и еще Грищенко и Кашенко, два офицера. Их убили на площади¹⁰.

А ведь молодость есть молодость. Где-то соберешься и все равно улыбнешься, посмеешься. И чего-то кто-то скажет смешного, и все вроде пережито.

В Камышевахе два раза бомбили наши. Из Камышевахи уехали в другое место, в Новогеоргиевск.

Там первый раз хирургический взвод был в здании школы, тут же был и госпитальный, но раненых там было мало. Я вышла чего-то, смотрю, у нас там огороды, и бойцы копают что-то. Я говорю:

– Вы чего копаете тут?

А он говорит:

– Что ты, разве не знаешь, что круговую оборону строим?

Впереди была железная дорога и, видимо, с другой стороны тоже. Немцы по ту сторону дороги. А потом постреляли немножко и все. Все случилось, ничего больше не было. Но вот из госпитального взвода немцы увели девушку между танками. Клава Андрюшина, москвичка, фельдшер. А Клава-то была партийная. Но она как-то успела вовремя под сапог, под стельку положить партийный билет. Когда их отправили в эшелон, погрузили, она в эшелоне была, охраняли, но ей удалось сбежать. И уже к нам в дивизию она не попала, а попала она в десантный полк. Это был 1943 г.

Кроме Ворошиловграда мы попали на третий Украинский фронт. А в 1944 г. в мае меня демобилизовали, потому что у меня очень разболелась нога. Это уже где-то Никополь, Одесса. Наша дивизия одесский порт освобождала, и Драмтеатр одесский¹¹. А потом нашу дивизию отправили в Хинган на Дальний восток.

Из Одессы меня увезли в Сталино, а со Сталино я поездом уехала домой. Победу встретила дома.

Примечания

1. Теребинский Николай Наумович (1880–1959 гг.) – профессор, хирург, впервые в мире разработавший методику проведения операций на открытом («сухом») сердце, технику лечения потоков сердца в условиях искусственного кровообращения, создатель целой школы хирургов. Именно он прово-

дил операцию по ампутации ног летчику А. Маресьеву [11].

2. После ранения в 1942 г. летчик А. Маресьев проходил курс лечения в филиале госпиталя им. Н.Н. Бурденко, располагавшемся в Бабушкинском переулке г. Москвы [12].

3. В филиале госпиталя им. Н.Н. Бурденко А.П. Маресьеву было проведено две операции на ногах и проведена процедура протезирования под руководством профессора Н.Н. Теребинского, лечащим врачом была Зинаида Александровна Альтшулер [13].

4. Погорелое Городище Зубцовского района Калининской области (ныне входит в состав Тверской области). В период Великой Отечественной войны село было оккупировано в октябре 1941 г. и освобождено от фашистских захватчиков в августе 1942 г. в ходе первой Ржевско-Сычевской операции силами Западного фронта.

5. Комментарий А.М. Шикиновой в процессе составления данной публикации, февраль 2014 г.

6. Город Медынь Медынского района Калужской области (до 1944 г. входил в состав Западной области СССР). Город был оккупирован фашистскими войсками с октября 1941 по январь 1942 г., сильно разрушен.

7. Станица Клетская, хутор Евстратовский – населенные пункты, расположенные на территории Клетского района Сталинградской (ныне Волгоградской) области.

8. Село Новосветловка Краснодарского района Ворошиловградской (ныне Луганской) области. Село было оккупировано вражескими войсками с июля 1942 г. После кровопролитных боев оккупация была снята в феврале 1943 г. силами 906-го полка 243-й стрелковой дивизии.

9. Каменный Брод – один из районов Ворошиловграда (ныне г. Луганска).

10. Эпизод кровавой расправы фашистов над бойцами-красноармейцами и мирным населением имел место при освобождении села Новосветловка Новосветловского района Ворошиловградской области 12 февраля 1943 г. Акт этого события приведен в книге воспоминаний ветеранов 243-й стрелковой дивизии. В акте указано, что в яму было сброшено и сожжено 150 человек [14].

11. С декабря 1943 по апрель 1944 г. в рамках осуществления Днепровско-Карпатской наступательной операции войсками 3-го Украинского фронта, в составе которого на тот момент сражалась и 243-я стрелковая дивизия, были освобождены Одесса, Никополь, Николаев и другие города Правобережной Украины.

Список литературы

1. Тажидинова И.Г. Дневники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: потенциал источника // Вестник архивиста. 2012. № 2. URL: <http://www.vestarchive.ru/2012-2/2468-dnevnik-i-velikoi-otechestvennoi-voiny-1941-1945-gg-potencial-istochnika.html> (дата обращения: 01.04.2014).

2. Кринько Е.Ф. Пространство и время в воспоминаниях и письмах участников Великой Отечественной войны // Проблемы российской истории. 2010. № 1 (10). С. 456–470.

3. Сомов В.А. Дневниковые записи Н.М. Добровора как источник по изучению менталитета советского человека в годы Великой Отечественной войны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «История». 2006. Вып. 1 (5). С. 145–151.
4. Козлов В.П. Фронтовые письма 1941–1945 гг. как молитвы. К 65-летию Победы // Вестник архивиста. 2010. № 2. С. 24–47.
5. Сомов В.А. Письма участников Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 131–136.
6. Булыгина Т.А. Письма с фронта как источник истории повседневности в годы Великой Отечественной войны // Ставрополь: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / Научн. ред. Т.А. Булыгина, сост. В.В. Белоконь, Т.Н. Колпикова, Я.Г. Кольцова, В.Л. Мазница. Ставрополь, 2005. С. 530–540.
7. Белоглазова Г.Н. Письма с фронта как исторический источник времён Великой Отечественной войны // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 2 (39). С. 188–191.
8. Юдина А.Ю. Из воспоминаний ветерана Великой Отечественной войны Агриппины Васильевны Фоминой // Мир Евразии. 2013. № 4 (23). С. 66–69.
9. Фронтовое письмо: письма жителей Иркутской области времен Великой Отечественной войны / Ред. и сост. И.И. Терновая. Иркутск, 2005. 140 с.
10. Помним о детстве, войной опалённом. URL: http://timos.ucoz.ru/publ/vospominaniya_quotdetey_vojny_quot/1 (дата обращения: 14.10.2015).
11. Мирский М.Б. История медицины и хирургии: Учебное пособие для студентов учреждений высш. проф. образ. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. С. 289.
12. Алексей Маресьев: «Я не из легенды...» // Братишка: журнал для спецназа. 2003. Октябрь. URL: http://www.bratishka.ru/archiv/2003/9/2003_9_6.php. (дата обращения: 06.05.2014).
13. Повесть настоящего человека: о тех, кто помог ему встать на ноги // Медицинская газета. 1995. № 34. С. 20.
14. Через семь границ. Страницы истории 243-й стрелковой Краснознаменной дивизии в воспоминаниях ветеранов: [Сборник]. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1972. С. 109–110.

**FROM KALININ TO ODESSA: MEMORIES OF A.M. SHIKINOVA,
A NURSE OF THE MEDICAL AND SANITARY BATTALION OF THE 243rd RIFLE DIVISION**

M.N. Svintsova

This publication contains the memories of A.M. Shikinoва, a nurse of the 243rd Infantry Division. These memories reflect various organizational, psychological and everyday life aspects of the medical battalion's work through the eyes of a participant of war-time events and contain some personal observations, including an assessment of supplies of medical equipment and materials to the front line. A memorable meeting with the hero pilot A. Maresiev is also described. The text is based on a diary, which A.M. Shikinoва kept during her service in the medical battalion. The diary notes are part of the Shikinov family archive.

Keywords: medical battalion, A.M. Shikinoва, Great Patriotic War, military hospital, 243rd Infantry Division, 906th regiment, historical source.

References

1. Tazhidinova I.G. Dnevniky Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: potencial istochnika // Vestnik arhivista. 2012. № 2. URL: <http://www.vestnikarchive.ru/2012-2/2468-dnevniky-velikoi-otechestvennoj-vojny-1941-1945-gg-potencial-istochnika.html> (дата обращения: 01.04.2014).
2. Krin'ko E.F. Prostranstvo i vremena v vospominaniyah i pis'mah uchastnikov Velikoj Otechestvennoj vojny // Problemy rossijskoj istorii. 2010. № 1 (10). С. 456–470.
3. Somov V.A. Dnevnikovye zapisi N.M. Dobrovora kak istochnik po izucheniyu mentaliteta sovetskogo cheloveka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya «Istoriya». 2006. Vyp. 1 (5). С. 145–151.
4. Kozlov V.P. Frontovye pis'ma 1941–1945 gg. kak molitvy. K 65-letiyu Pobedy // Vestnik arhivista. 2010. № 2. С. 24–47.
5. Somov V.A. Pis'ma uchastnikov Velikoj Otechestvennoj vojny // Voprosy istorii. 2007. № 8. С. 131–136.
6. Bulygina T.A. Pis'ma s fronta kak istochnik istorii povsednevnosti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Stavropol'e: pravda voennyh let. Velikaya Otechestvennaya v dokumentah i issledovaniyah / Nauchn. red. T.A. Bulygina, sost. V.V. Belokon', T.N. Kolpikova, Ya.G. Kol'cova, V.L. Maznica. Stavropol', 2005. С. 530–540.
7. Beloglazova G.N. Pis'ma s fronta kak istoricheskij istochnik vremyon Velikoj Otechestvennoj vojny // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2013. № 2 (39). С. 188–191.
8. Yudina A.Yu. Iz vospominanij veterana Velikoj Otechestvennoj vojny Agrippiny Vasil'evny Fominoj // Mir Evrazii. 2013. № 4 (23). С. 66–69.
9. Frontovoe pis'mo: pis'ma zhitelej Irkutskoj oblasti vremen Velikoj Otechestvennoj vojny / Red. i sost. I.I. Ternovaya. Irkutsk, 2005. 140 s.

10. Pomnim o detstve, vojnoj opalyonnom. URL: http://www.bratishka.ru/archiv/2003/9/2003_9_6.php. (data obrashcheniya: 06.05.2014).
11. Mirskij M.B. Istoriya mediciny i hirurgii: Uchebnoe posobie dlya studentov uchrezhdenij vyssh. prof. obraz. M.: GEhOTAR-Media, 2010. S. 289.
12. Aleksej Mares'ev: «Ya ne iz legendy...» // Bratishka: zhurnal dlya specnaza. 2003. Oktyabr'. URL: http://timos.ucoz.ru/publ/vospominaniya_quotdetej_vojnyquot/1 (data obrashcheniya: 14.10.2015).
13. Povest' nastoyashchego cheloveka: o tekh, kto pomog emu vstat' na nogi // Medicinskaya gazeta. 1995. № 34. S. 20.
14. Cherez sem' granic. Stranicy istorii 243-j strelkovej Krasnoznamennoj divizii v vospominaniyah veteranov: [Sbornik]. Yaroslavl': Verhne-Volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo, 1972. S. 109–110.